

Андрей Владиславович Загорулько¹

azagor@mail.ru

РОЛЬ ДИАСПОРЫ В ТРАНСГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ (КОРЕЙЦЫ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Граница формирует трансграничные регионы. Это историко-географический процесс, по-разному происходящий на отдельных участках границы — на маргинальных участках, в переходных зонах. В последние годы представители общественных организаций российских корейцев на Дальнем Востоке стали играть роль посредников в решении некоторых международных проблем, связанных с КНДР и Республикой Корея. Во многом такая вовлечённость связана с формированием и историей корейской диаспоры на территории России, которая в этнической мозаике Дальнего Востока занимает особое положение, прежде всего из-за истории формирования. Идея об исторической родине — необходимый фактор, интегрирующий диаспору, — находила отражение во всех формах её организации, начиная с первых общественных объединений. Несмотря на то, что корейская диаспора находилась на значительном удалении от родной страны и некоторые этнические особенности были утеряны, она тем не менее сохраняла символическую связь с Кореей. Важная роль исторической родины проявлялась и в использовании социального капитала, хотя его структура из-за непростой истории корейской диаспоры постоянно менялась. Существование диаспоральных трансграничных связей укрепляет региональную безопасность, обеспечивая внеполитические взаимодействия, которые способствуют информационному обмену между представителями трансграничных регионов.

Ключевые слова: трансграничный регион, диаспора, корейцы, общественные объединения, социальный капитал, историческая родина.

Andrey V. Zagorulko¹

azagor@mail.ru

THE ROLE OF THE DIASPORA IN THE TRANS-BORDER REGION (KOREANS OF PRIMORSKY REGION)

The border forms trans-border regions. This is a historical and geographical process, which takes place in different ways on certain sections

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

of the border — on marginal sections, transition zones. In recent years, representatives of public organizations of Russian Koreans in the Far East began to play the role of mediators in solving some international problems related to the DPRK and the Republic of Korea, in many respects such involvement is associated with the formation and history of the Korean diaspora in Russia. The Korean diaspora occupies a special position in the ethnic mosaic of the Far East, primarily due to the history of its formation. The idea of a historical homeland, a necessary factor integrating the diaspora, was reflected in all forms of organization of the Korean diaspora — starting with the first public associations. Even being at a considerable distance from the Far East and having lost some ethnic characteristics, nevertheless, a symbolic connection with Korea remained. The importance of the historical homeland was also manifested in the use of the social capital of the diaspora, although its structure was constantly changing due to the difficult history of the Korean diaspora. The existence of diaspora cross-border ties strengthens regional security by providing extra-political interactions that facilitate information exchange between the two parts of the cross-border region.

Keywords: cross-border region, diaspora, Koreans, public associations, social capital, historical homeland.

Государственная граница является своеобразным признаком централизации государства, развития его структуры и прежде всего суверенности. В АТР региональная система безопасности начала формироваться с середины XX в. на конфронтационной основе. Многополярность региона предполагала более дифференцированный подход к трансграничным отношениям, которые значительно изменились с окончанием холодной войны. В первую очередь возросла роль регионов в сохранении стабильности и безопасности государственных границ, международная деятельность в трансграничных областях интенсифицировалась на разных институциональных уровнях [19, с. 15].

Необходимо учитывать, что международная политика в отношении поддержания суверенности государственных границ включает и вклад в развитие приграничных территорий. Приграничные и трансграничные территории отражают специфику разных типов государственных границ, поскольку состоят из разных частей трансграничных географических структур.

Приграничная территория в целом может быть охарактеризована как территория, прилегающая к государственной границе,

в пределах которой наблюдается реальное или предполагается потенциальное взаимодействие и взаимовлияние с территорией соседних государств [7, с. 10].

Граница формирует трансграничные регионы. Это историко-географический процесс, по-разному происходящий на отдельных участках границы — на маргинальных участках, в переходных зонах. Соответственно, формируется трансграничное, переходное сознание у населения этих территорий. В любых трансграничных системах выделяют ключевые компоненты: экологию (природную геосистему), экономику (хозяйственное использование) и социальную структуру (население, его обычаи и традиции) [4, с. 299].

Если рассматривать пограничье как целостную систему, то можно выделить присущие ей признаки: иерархичность, многокомпонентность, структурность, поэтому трансграничные взаимодействия происходят на разных территориальных уровнях. Л.Б. Вардомским и С.В. Голуновым была выдвинута трёхступенчатая классификация микро-, мезо- и макроприграничья [2].

1. Микроуровень — территория, находящаяся внутри «пятикилометровой полосы вдоль государственной границы на суше, морского побережья РФ, российских берегов пограничных рек, озёр и иных водоёмов и на островах на указанных водоёмах» (ст. 16 закона РФ № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» от 1 апреля 1993 г.). Возле самой границы пограничные, таможенные, транспортные структуры формируют отдельную пространственно определённую территорию. В разные периоды её состав и социальные связи могли сильно различаться — от создания единой трансграничной полосы до разделения трансграничной зоны на две изолированных части. Внешним выражением могут быть: особый режим проживания (в случае изоляции), более тесные отношения разного рода людей, непосредственно живущих у границы (в случае единой трансграничной территории). Микроуровень дальневосточного пограничья состоит из административных единиц низового уровня, на территории которых расположены 15 действующих пунктов пропуска в соседние страны.

2. Мезоуровень охватывает муниципальные районы в составе субъектов Федерации, часть внешних границ которых совпадает с государственной границей. Это территории, где заканчивается

режим приграничной зоны (в случае изоляции) или где заканчивается единое трансграничное пространство, там находятся различные структуры, предполагающие пограничное экономическое сотрудничество: совместные предприятия, торговые центры, туристические фирмы, ориентированные прежде всего на взаимодействие с приграничными районами соседней страны. Расположение этих структур определено в первую очередь наличием транспортной сети и населённых пунктов. В период изоляции чаще всего эти структуры были лишены всех приграничных связей. Мезоуровень российско-китайского приграничья имеет двухчастную структуру, так как в административно-территориальном делении КНР существует два вида единиц субрегионального подчинения — округа и уезды. Таким образом, мезоуровень приграничья можно рассматривать как совокупность 43 приграничных муниципальных образований РФ, семь из которых находятся на забайкальском участке, 36 — на дальневосточном, и десяти приграничных округов КНР.

3. Макроуровень включает субъекты РФ, имеющие выход к государственной границе России. В крупных региональных и муниципальных центрах приграничных регионов сосредоточены институализированные объединения трансграничного взаимодействия: консульства, общества дружбы и др.

Макроуровень приграничья Дальнего Востока составляют пять субъектов РФ (Амурская область, Еврейская автономная область, Забайкальский, Хабаровский и Приморский края) и три провинции КНР (автономный район Внутренняя Монголия, Хэйлуцзян, Цзилинь).

В процессе многостороннего взаимовлияния и взаимодействия приграничных территорий двух соседних стран происходит формирование целостной двухзвенной международной трансграничной территории [1, с. 23].

Приграничное взаимодействие — это процесс, в котором задействованы разные участники с разными типами отношений, требующий координации политических решений на разных институциональных уровнях. Институциональные субъекты, в том числе и общественные организации, способны не только участвовать в комплексной организации трансграничных проектов, но и руководить значительной частью приграничного сотрудничества в приграничных регионах. Модели коммуникационных

сетей внутри трансграничного пространства включают в себя общение в социальных сетях, доступ к информационным ресурсам, формирование организаций и учреждений, а также сотрудничество через институциональные соглашения и структуры.

Социальные сети трансграничной области объединяют людей по родственному признаку и в другие группы, включая ключевых участников-посредников [17, с. 564].

При анализе трансграничного сотрудничества необходимо учитывать все виды взаимоотношений, коммуникационные сети, сотрудничество, информационные ресурсы и интеграцию. Во многом это взаимодействие происходит с активным использованием социального капитала, т.е. социальных отношений, которые открывают доступ к ресурсам, принадлежащим другим, через социальные сети и меняют структуру социальных связей.

Участники данной сети, имея общие ценностные ориентации, формируемые посредством культурных механизмов — через религию, традиции, исторические обычаи, а также практикой совместного решения проблем выживания и приспособления к новым экономическим условиям, одинаково воспринимают поступающую к ним информацию и точнее интерпретируют действия других участников сети, что облегчает существование в трансграничном регионе и помогает преодолевать его двухчастную структуру [10, с. 40].

Социальный капитал может проявляться по-разному. Во-первых, он представляет собой нормы, правила поведения, общие для всех членов группы, чьи коллективные действия, преследующие частные интересы, предпринимаются для достижения общих целей. «...Виды социальных структур, способствующие развитию и совершенствованию социальных норм и санкций, не приносят выгоды, прежде всего человеку или группам людей, чьи усилия были необходимы при их создании, но приносят пользу всем тем, кто является частью такой структуры» [9, с. 138].

Во-вторых, социальный капитал существует в форме групповых норм и правил в виде личных связей. Он представляет собой весь набор социальных контактов, позволяющих за счёт локального взаимодействия обеспечивать доступ к различным видам ресурсов. Связи и отношения помогают членам группы адаптироваться в иноэтнической среде. Социальный капитал также предполагает частный обмен услугами.

«В его каркас (социального капитала. — А.З.) заключены множество элементов: здесь можно найти горизонтальные и вертикальные связи, социальные ценности и социальные сети... столь разноплановое понятие давно должно было бы рухнуть под гнётом собственных противоречий, но на деле происходит прямо противоположное: оно вбирает в себя любую критику, всякий раз просто добавляя к своим признакам пару-другую новых характеристик» [18, с. 33].

Во многом на динамику и эволюцию системы трансграничных отношений влияет этнокультурная обстановка. В этнокультурном развитии фактор трансграничности играет очень большую и неоднозначную роль, которая варьирует в зависимости от типа границы и от трансграничной политики. Наиболее активно партнёрство налаживается между внутренними регионами соседних государств, входящих в состав одного геополитического региона.

Фундаментом трансграничного сотрудничества служат исторические традиции и региональные связи, которые складывались на протяжении столетий.

Трансграничные взаимодействия во многом связаны с диаспорами и их социальным капиталом, поскольку выживание и развитие этнических диаспор обусловлено институционализацией трансграничных сетей коммуникаций этнокультурных общин.

Участвуя во всех процессах страны проживания, диаспора, в силу своего специфического состава, является субъектом политических отношений, делая вклад в региональную безопасность и стабильность.

Прежде всего, диаспоры обеспечивают жизнедеятельность общины и её отношения с государственными структурами в принимающей стране. По мере развития диаспора старается укрепить связи с исторической родиной через сети диаспоральных коммуникаций. Все эти действия необходимы для сохранения целостности и жизнеспособности диаспоры. В публичной политике они проявляются в действиях элитарной группы общины, имеющей экономическое и социальное лидерство.

Расселение членов диаспоры в трансграничной зоне формирует транснациональное социальное пространство. Так или иначе действия диаспоры укрепляют его, расширяясь от отдельных иммигрантских семей до обширных сообществ мигрантов.

Транснациональные социальные пространства включают различные комбинации социальных связей и общественные организации. В таких пространствах происходит концентрация экономического и социального капитала.

Если развитая диаспора вовлечена в политические и экономические процессы принимающей страны, то иммигрантские общественные организации и страна исхода сохраняют социальные и символические связи, которые сохраняются на протяжении значительного периода и вне зависимости от расстояния между месторасположением общин и страны исхода.

В последние годы представители общественных организаций российских корейцев на Дальнем Востоке стали играть роль посредников в решении некоторых международных проблем, связанных с КНДР и Республикой Корея, во многом такая вовлечённость связана с формированием и историей корейской диаспоры на территории России.

В 1858 г. Россия и Китай заключили Айгунский договор, по которому граница между двумя государствами устанавливалась по р. Амур на всём её протяжении. По Айгунскому договору к России отходило всё левобережье Амура, остававшееся неразграниченным по Нерчинскому договору 1689 г. Территория к востоку от Усури и к югу от низовьев Амура признавалась общим владением двух государств. По Пекинскому договору 1860 г. правый берег р. Усури признавался территорией России. Далее граница устанавливалась по р. Сунгача, оз. Ханка, р. Беленхэ (Тур), по горному хребту к устью р. Хубиту (Ушагоу), затем по хребту, лежащему между р. Хуньчунь и морем, до р. Туманган и по р. Туманган до корейской границы. Территория к востоку принадлежала России, а к западу — Китаю [13, с. 280].

Перед российской администрацией стала задача хозяйственного освоения и осуществления контроля новой территории. С самого начала осваивалась граница с Китаем, морское побережье и левый берег Амура в его верхнем и среднем течении.

Новые территории были «знамёнными землями», которые находились за пределами Ивового палисада (сети укреплений из рвов и насыпей, усаженных ивовыми деревьями), сооружённого в период династии Цин в конце XVII в. для предотвращения проникновения китайцев в Маньчжурию, который имел не столько оборонное, сколько демаркирующее значение. К XIX в. система

знамённого землевладения пришла в упадок, но расселение иностранцев в Маньчжурии воспринималось цинским правительством как угроза исконным территориям. В XVIII в. население Маньчжурии по численности было сравнительно небольшим и по территории распределялось весьма неравномерно, с наибольшей плотностью на юге и низкой — в бассейне Сунгари и в Приамурье. По национальному составу оно разделялось на три большие группы: тунгусов, монголов и китайцев. Постепенно административная система Северо-Востока Китая изменялась — от военной структуры управления к унификации с общекитайским административным делением [5, с. 115].

Цинское правительство отменило существовавшие запреты на поселение китайцев в этом регионе и приступило к его организованной колонизации. Северо-Восток стал быстрыми темпами заселяться, одновременно превращаясь в базу для миграции через границу. Рост миграционных потоков в Россию значительно ускорился благодаря предпринятому в стране строительству новой мощной транспортной системы — Китайско-Восточной железной дороги (1897—1903). Экономический подъём Маньчжурии, связанный с проникновением российского и японского капитала, привёл к нарастанию процесса миграции в Россию.

Российские власти, заинтересованные в хозяйственном освоении края, старались привлекать выходцев из соседних стран, рассматривая их как колонистов. «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» 1861 г. разрешали российским и иностранным подданным селиться в этих местах, приобретая землю во временное владение или в полную собственность с освобождением от налогов на 20 лет.

Утверждённый императором Александром II 27 апреля 1861 г. законопроект «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» гласил: «В сих областях дозволяется селиться всем вообще желающим, как русским, так и иностранцам» [11, с. 15].

Положение этого закона, согласно которому переселенцы освобождались от налогов на 20 лет, послужило причиной первой волны иммиграции.

Территория, которая стала российской, была известна корейцам, поэтому, когда слухи о новой политике привлечения иностранцев-колонистов дошли до приграничного населения, на сво-

бодные земли стали прибывать крестьяне-земледельцы с семьями. До них там проживали только корейцы-промысловики.

Первые 16 семейств основали в 1864 г. Тизинхе — на территории нынешнего Хасанского района — корейское поселение, в том же году были основаны Верхнее и Нижнее Янчихе [13; 11, с. 66]. Власти приграничных корейских территорий считали переселившихся корейцев своими поданными и требовали возвращения крестьян обратно. Это стало причиной интенсивной переписки между представителями двух стран. Такая позиция Кореи усиливала изолирующую функцию границы. В силу слабости властных структур России на новых территориях необходимое оформление перешедших границу крестьян не выполнялось надлежащим образом, они не получали должного статуса, вследствие чего власти Кореи и относились к ним как к корейскоподанным.

После организации переезда российских поселенцев из Одессы морем с помощью Доброфлота количество прибывших из Европейской России увеличилось. Однако корейские иммигранты не растворялись в массе других колонистов. Корейская диаспора формировалась обособленно — в сельской местности, поскольку первая волна мигрантов представляла собой семьи крестьян-земледельцев. Когда военные посты и посёлки стали разрастаться в города, появилось и городское корейское население. Сначала корейцы оставались в основном на приграничной территории (сейчас Хасанский район, Приханкайская низменность).

Таким образом, основу корейской диаспоры в 60—90-е гг. XIX в. составляли оседло проживавшие в деревнях корейцы и их семьи, которые с самого начала рассматривались местной российской администрацией де-факто русскими подданными, затем в 1894 и 1896—1897 гг. они были приняты в подданство Российской империи.

Вокруг постоянно проживающих корейцев группировались корейцы с семьями, не имевшие русского подданства. В принципе это была переходная группа, члены которой так или иначе примут подданство, поскольку большинство из них перспективы проживания связывали с данной территорией. Большое влияние на их решение оказывал пример тех семей, которые приняли подданство и добивались высокого положения в общине, дали образование детям и поступили на государственную службу.

Кроме первых двух групп, были ещё бессемейные корейцы-отходники, сезонные рабочие, занимающиеся различными промыслами, наёмные рабочие и т.д. Эта довольно разнообразная по составу группа включала как постоянно приходящих и уходящих отходников, знакомых с особенностями проживания на российской территории, так и прибывших в Приморскую область на короткий срок крестьян и наёмных рабочих, которые не рассматривали её как место долговременного проживания. Последние, проведя несколько лет в деревнях, бросали поля и уходили в дальше в Маньчжурию. В эту же группу входила часть городских корейцев и политических диссидентов. Именно корейцы третьей группы являлись связующим звеном между диаспорой и исторической родиной.

Отходники, охотники, сборщики женьшеня приходили на эти территории ещё до того, как они стали российскими, для них пограничная зона, лесные районы как в Корее, так и в России и Маньчжурии были единым пространством, одним информационным и экономическим полем. Границы имели значение, но воспринимались как препятствие, которое можно преодолеть. Учитывая слабость пограничного контроля в конце XIX — начале XX в., пересечение границ для них не представляло проблемы.

Политические диссиденты, лидеры движения «Ыйбён» вели активную деятельность по консолидации усилий корейской диаспоры в антияпонской борьбе. Они постоянно напоминали переселенцам про их историческую родину. Идея об обязанности каждого члена диаспоры помогать родине являлась одним из основных интегрирующих факторов, консолидирующих мигрантов. Для корейцев в то время она была воплощена в антияпонской борьбе. Организующей группой в этом процессе выступали иммигранты-диссиденты (Ли Инсок, Ли Бомюн, Ли Донхви, Син Чхэхо, Ли Сансоль, Ан Чжунгын и др.), большинство из которых принадлежали к образованным слоям общества у себя на родине. В некотором смысле они были референтной группой для остальных мигрантов. Соответственно, даже российскоподданные корейцы, добившиеся определённого положения в России, стремились участвовать в процессе освобождения Кореи от японцев, например Чхве Джэхён (Пётр Семёнович Цой). Он эмигрировал в Россию ещё в 1869 г., за годы пребывания в стране добился высокого социального положения: в 1893 г. был избран первым старшиной первой в России корейской Янчихинской

волости Никольск-Уссурийского уезда, также был приглашён на коронацию Николая II как представитель приморских корейцев. Высокое социальное положение в структуре диаспоры обязывает лидеров инициировать деятельность, направленную на воспроизводство самой диаспоры, и активно участвовать в судьбе бывшей родины. При содействии Чхве Джэхёна было открыто 32 корейские школы, с 1906 г. он активный член движения за независимость Кореи. Иммигрантские объединения, как одна из составляющих социального капитала корейской диаспоры, с момента своего возникновения проявляли активную заинтересованность в событиях, происходящих на исторической родине [6, с. 15].

15 февраля 1891 г. были изданы особые правила об общественном управлении китайского и корейского населения. В них определялись условия гражданства китайцев и корейцев: все должны были иметь специальный документ — билет.

Определялись также властные структуры для китайского и корейского населения. Ключевое положение занимал общественный старшина. Хотя кандидатуры старшин утверждались полицмейстером и военным губернатором, избирались они общиной.

Со стороны российской администрации от старшин требовалось сохранение порядка в пределах обществ. Обязанности обществ включали содержание управления (канцелярия, жалование служащим), благотворительную и образовательную деятельность. Право голоса определялось социальным статусом и имущественными цензом: в случае с корейцами им обладали главы домохозяйств и состоятельные торговцы. Выборы происходили на сходе, где должен был присутствовать полицейский чиновник. Все решения схода вступали в силу, если их одобрял старшина. Полномочия старшин общин были аналогичны полномочиям волостного старшины: они определяли наказания за незначительные правонарушения — общественные работы, штрафы и т.д. [11, с. 250].

Во многом данные правила были нацелены на контроль над корейскими общинами со стороны российской администрации. В свою очередь, мигрантам такая организация помогала адаптироваться в новом социополитическом пространстве, поскольку община являлась знакомым структурным элементом диаспоры.

Внутри корейских общин осуществлялась антияпонская деятельность: сбор пожертвований, формирование партизанских отрядов, организация различных обществ (легальных

и нелегальных) — «Квонопхве» («Общество развития труда»), «Менсэн» («Общество молодых»), «Кунминхве» («Национальное корейское общество»). Общества инициировали открытие школ, библиотек, издавали газеты, журналы. К концу 1909 г. только в Приморье «Национальное корейское общество» имело 12 отделений.

Деятельность общественных объединений происходила в основном в региональных центрах — Хабаровске, Уссурийске, Владивостоке, но поддерживались они всеми корейскими общинами, в том числе и сельскими. Некоторые из обществ поддерживались российской администрацией, другие были автономны. В этот период, после 1906 г., помимо создания обществ, корейцы стали активно участвовать в различных российских общественных организациях, типа земств. Также они приступили к созданию легальных корейских общественных организаций, принимали участие в работе комитетов общественной безопасности, советов. Так, в 1917 г. в Уссурийске было образовано «Всероссийское общество корейцев», организовавшее поездку на Парижскую мирную конференцию корейских делегатов, среди которых Приморскую область представляли Чхве Джэхён и руководитель корейского общества «Квонопхве» Ли Донхви.

В этот период корейская диаспора достигла своего расцвета. Однако вовлечённость в события в России отрицательно сказалась на её единстве. В мае 1917 г. в Уссурийске прошёл I Всероссийский съезд корейских общественных организаций. На нём проявились противоречия в политической ориентации, часть делегатов поддерживала Советы рабочих депутатов, часть — Учредительное собрание. Дебаты привели к расколу, который впоследствии только углублялся. Тем не менее организационная деятельность усиливалась: в 1918 г. в Хабаровске прошло совещание корейских политических эмигрантов и руководителей местных общественных организаций, в результате которого была создана корейская социалистическая партия (лидеры — Ли Донхви, Ким Гюмён), в 1918—1919 гг. начали работу корейские советы, объединявшие национальные организации. 17 марта 1919 г. в Уссурийске был создан Всекорейский национальный совет, который принял первую Декларацию независимости Кореи, 15 сентября 1920 г. была принята вторая.

Во время Гражданской войны деятельность корейской диаспоры не прекращалась, в 1917—1922 гг. сеть корейских школ

расширилась, стали открываться частные национальные школы (их насчитывалось 150). В 1918 г. в г. Никольске-Уссурийском по инициативе корейского общества открылась Корейская учительская семинария.

После Гражданской войны поток миграции увеличился — по результатам переписи 1923 г. на юге Приморской губернии проживали 101 938 корейцев. С 1917 по 1929 г. сюда переехали 71,5% всех корейских семейств, иммигрировавших в Россию с 1860-х по 1929 г. К 1926 г. диаспора насчитывала 145 511 чел.

Изменилась социальная структура диаспоры: в то время как корейские предприниматели, частные торговцы, зажиточные крестьяне подвергались дискриминации, появилась корейская партийная номенклатура — члены Далькрайкома, Далькрайисполкома, председатели сельсоветов и колхозов. Корейский отдел при Приморском губкоме ВКП(б) был центром по координации революционной и антияпонской деятельности в Корее. На корейском языке издавались 6 журналов и 9 газет. К середине 30-х гг. тираж корейской газеты «Сэнбон» («Авангард») достиг 10 тыс. экземпляров. В этом отношении партийный отдел продолжал дело патриотических обществ, которые существовали до революции, но с учётом партийных решений ВКП(б).

В 1923 г. в Приморье было 224 корейские школы. В 4 из них преподавание велось на русском, в остальных — только на корейском, в некоторых русский преподавался как отдельный предмет. С 1925 г. издавались учебники на корейском языке. Учителей для корейских школ готовили в Никольск-Уссурийском корейском педтехникуме. В 1930 г. открылся ещё один техникум в Посьете, а в 1931 г. — Корейский педагогический институт во Владивостоке. В сентябре 1932 г. был создан корейский краевой театр.

В 30-е гг. корейские крестьяне, как и всё сельское население Приморской области, подверглись коллективизации. Как и большинство дальневосточных крестьян, в колхозы вступать они не хотели, поэтому многие корейцы бежали за границу, некоторые потом возвращались обратно [3, с. 180].

Однако в начале 1930-х гг. в связи с военными действиями японской армии в Маньчжурии советская граница была закрыта, а въезд мигрантов — запрещён. В сентябре — октябре 1937 г. произошло важное и трагическое событие в истории корейской диаспоры: 172 тыс. корейцев из Дальневосточного края были вывезены

в Казахстан и Узбекистан. Переселение проходило в сжатые сроки, люди оказались с минимумом имущества на неподготовленной территории. Корейцы лишились не только материальных ценностей — были разрушены родственные и социальные связи. Партийная верхушка оказалась репрессирована. Формирование диаспоры приходилось начинать сначала. На новых местах организовывались корейские колхозы, восстанавливались школы, стала издаваться газета «Ленин Кичхи» на корейском, сыгравшая важную роль в сохранении языка и развитии культуры советских корейцев. Корейский театр (22 чел.), высланный в 1937 г. в Казахстан, продолжил работу в г. Кзыл-Орде.

Переселенцы-корейцы работали не только в сельском хозяйстве, но и на предприятиях горнодобывающей промышленности и в рыболовстве. Экономической основой корейских колхозов было рисоводство, а также выращивание хлопка, свёклы, лука, арбузов и кукурузы. Постепенно корейцы стали покидать места первоначального поселения, перемещаясь в более удобные для жизни районы (внутри Казахстана и Узбекистана), переезжали также для воссоединения семей. В конце 30-х гг. корейские школы преобразовали в обычные — с преподаванием на русском языке. С 1953 г. были сняты ограничения на передвижение, началась миграция корейцев в города и другие регионы СССР, в том числе и на Дальний Восток.

В этот период корейская диаспора претерпевает кардинальные изменения, прежде всего слабеет этническая самоидентификация и усиливается диаспоральная. Полная изоляция от исторической родины отразилась на языке, поведении, менталитете советских корейцев.

Также изменяется структура диаспоры: основная социально-экономическая единица, корейский колхоз, из-за того что новое поколение переезжает в города, теряет своё интегрирующее значение. Собственно, в этот период корейская община как элемент диаспоры перестаёт существовать. Однако семейные и земляческие связи сохраняют своё значение [16, с. 240].

Несмотря на значительные трансформации идея об исторической родине как объединяющий фактор осталась, что проявилось в активном участии центральноазиатских корейцев в политике, экономике и культуре КНДР, особенно сразу после освобождения Кореи в 1945 г. Конечно, после репрессий 60-х гг. в КНДР многие

вернулись обратно, но работа в стране была мощным импульсом для сохранения памяти о родине. К тому же, поскольку предки центральноазиатских корейцев происходили из северо-восточных провинций Кореи, работа в КНДР для них была действительно возвращением на родину.

С 1990-х гг. начала формироваться прослойка корейцев, ориентированных на жизнь в Республике Корея. Они знали язык, получили высшее образование в южнокорейских вузах и связывали своё будущее с интеграцией в южнокорейское общество.

Возрождение этнического самосознания частично проявилось и в попытках возвращения на исконные места проживания — в Приморский край.

В 1991 г. в Артёме был организован так называемый Корейский народный институт, курировал который южнокорейский пастырь Лу Сунсин. В течение 5 лет он читал лекции в институте и обучал бесплатно корейскому языку всех желающих. Главной задачей была помощь приморским корейцам в овладении корейским языком, а также изучение и возрождение культурных традиций. Корейский народный институт не имел никакого отношения к корейским организациям, это было самостоятельное негосударственное учебное заведение.

В августе 1993 г. краевая администрация Приморского края утвердила план мероприятий по национально-культурному возрождению среди корейских поселенцев и их обустройству с выделением льготных кредитов, земельных участков для строительства жилья и производственных целей. Позднее были приняты постановления «О предложениях в комплексную программу национально-культурного возрождения российских корейцев», «О территориальном размещении прибывающих в Приморский край семей российских корейцев». Районные власти заверили в масс-медиа в наличии земельных участков под строительство жилых домов. Программа предполагала глобальное финансирование за счёт краевого бюджета и иностранных инвестиций, обеспечение переселенцев жильём и работой. Для новых поселенцев были выделены 6 населённых пунктов, которые были местом дислокации выведенных воинских частей — в Воздвиженке, Кремово, Орехово, Платоновке. Предполагалось, что поселения корейцев станут крупными центрами сельского хозяйства. Однако приехавшие из Средней Азии и Казахстана корейцы получили полуразрушенные

дома, в которых жить было невозможно. В переселение корейцев и развитие военных городков было вложено всего около 200 тыс. долл.

В 1999 г. в Сеуле состоялась встреча губернатора Приморского края Е.И. Наздратенко и президента Республики Корея Ким Тэджун, одной из тем было возвращение российских корейцев в Приморский край и их обустройство.

Ассоциация строителей Республики Корея при поддержке других строительных организаций выделила средства на создание корейской деревни «Дружба» в приморском селе Михайловка. Проект предполагал строительство 1 тыс. домов, обеспеченных земельными участками, школы на 500 учащихся, двух детских садов, культурного центра. В мае 2000 г. на церемонии закладки фундамента первого дома присутствовали губернатор Е.И. Наздратенко, генеральный консул Республики Корея во Владивостоке Тэ Сокво и председатель Ассоциации строителей Республики Корея Пак Кильхун. В настоящее время в деревне «Дружба» проживают не только корейцы, но и местное некорейское население.

Однако планы масштабного переселения, создания компактных корейских поселений, формирования национальной автономии не получили поддержки краевых властей и даже лидеров корейских организаций. Так, последние отказались от планов массового переселения корейцев в Приморье в силу «неготовности приморских властей» предоставить землю [14; 15].

В условиях социально-экономического кризиса проекты переселения и обустройства натолкнулись на волну массового недовольства и отторжения, стали поводом для роста этнонационализма и социальной напряжённости в Приморье.

По мнению В.П. Пака, трудности на пути осуществления проекта «корейской деревни» были вызваны «завышенными ожиданиями» сторонников создания «привилегий для корейцев». Практика совместного проживания корейских и русских семей в «Дружбе» является отражением существующих условий, в которых необходимо создавать возможности не только для приезжих, но и для местных жителей [14].

В результате общественная деятельность центральноазиатских корейцев, их присутствие в крае стали оцениваться в категориях угрозы национальной безопасности, потенциальной возможности ирредентизма.

В связи с распадом СССР советский компонент диаспорального самосознания стал постепенно исчезать, усилился этнический. В конце 90-х гг. существенно возросло национальное самосознание корейцев в сообществе других национальностей, а их в Приморье около 128. Большую роль в развитии культуры и этнического самосознания корейцев после распада СССР сыграли национальные общественные организации и объединения.

После принятия 17 июня 1996 г. закона «О национально-культурной автономии» все общественные организации перерегистрировались в национально-культурные автономии (НКА) корейцев, которые вошли в состав Федеральной национально-культурной автономии корейцев России (ФНКА).

Вначале ассоциации не имели активных позиций: они оказывали материальную помощь, оформляли документы, занимались трудоустройством, открывали курсы корейского языка, но не всегда это получалось, да и корейское население Приморья не проявляло особого интереса, так как привыкло жить обособленно и решать свои проблемы внутри семьи.

Сейчас корейские неправительственные организации активно сотрудничают с Республикой Корея и КНДР в социальной, образовательной и культурной сферах. Национальные объединения, фонды, землячества, предпринимательские ассоциации считают своей основной задачей сохранение корейской самобытности.

В рамках культурного обмена корейские общественные организации проводят фестивали корейской культуры, иницируют обучение традиционным танцам и музыке, организуют поездки как в Республику Корея, так и в КНДР. В Хабаровске действует Ассоциация корейских организаций Дальнего Востока и Сибири. В 1990 г. был создан национальный центр в Уссурийске, на базе которого открылась школа корейского языка, создан корейский национальный ансамбль «Ариран». НКА Уссурийска в 2004 г. стала учредителем еженедельника «Корё Синмун» («Корейская газета»). Финансовую поддержку изданию оказывают частные лица, общественная организация «Фонд мира в Северо-Восточной Азии», Генеральное консульство Республики Корея во Владивостоке.

В Приморском крае было организовано 10 национально-культурных автономий:

1. Владивосток — краевая НКА, председатель А.В. Хан.
2. Владивосток, председатель В.В. Ли.
3. Уссурийск, председатель А.В. Ким.
4. Арсеньев, председатель В.Н. Пак.
5. Артём, председатель Г.А. Кван.
6. Дальнегорск, председатель В.К. Пак.
7. Находка, председатель К.М. Ким.
8. Партизанск — «Единство», председатель В.В. Хан.
9. Партизанск — «Сучан», председатель О.В. Ким.
10. Спасск-Дальний, председатель Р.Н. Тянь.

Также активно работают и другие общественные организации: в Уссурийске — Краевой благотворительный фонд «Возрождение», председатель А.Х. Тен; Фонд мира в Северо-Восточной Азии, генеральный директор Н.С. Кан; во Владивостоке — Комитет разрозненных семей, председатель Г.П. Ли; в Артёме — Центр национальной культуры, директор Т.Н. Ким.

Все действующие в Приморье корейские общественные организации входят в Ассоциацию корейских организаций Приморского края (АКОРП).

Идея объединения всех национально-культурных автономий и привлечения к сотрудничеству общественных организаций и фондов Приморского края принадлежит В.П. Паку. Именно он создал Ассоциацию корейских организаций Приморского края и стал её председателем. АКОРП проводит фестивали корейской культуры, встречи приморских корейцев с консулами РК и КНДР, организует льготные поездки на историческую родину, приглашает корейских деятелей культуры для обучения традиционному музыкальному и танцевальному искусству.

Целью данных мероприятий декларировались сохранение своей самобытности и интеграция в региональное сообщество.

В течение 10 лет АКОРП последовательно выступает с миссией объединения Севера и Юга на Корейском полуострове, организует совместные встречи генеральных консулов КНДР и Республики Корея. По инициативе В.П. Пака в июне 2006 г. в Артёме, в Центре корейской культуры, состоялась первая встреча генерального консула КНДР Ан Джунгуна и генерального консула РК Чон Девана в честь годовщины подписания в 2000 г. совместной декларации между КНДР и Республикой Корея. Участниками второй встречи

в Центре корейской культуры (июнь 2007 г.) были не только генеральные консулы КНДР и РК, но и представители федеральных, краевых и районных властей, общественных организаций и вузов. Обозначая в качестве одной из целей АКОРП содействие объединению Севера и Юга, В.П. Пак выражает убеждение, что «именно Дальнему Востоку предопределено стать локомотивом этого процесса». На проходившей в г. Артёме конференции в рамках фестиваля национальных культур был проведён опрос на тему объединения Кореи, в котором приняли участие 100 чел. Результаты показали, что 30% относятся безразлично, но не против. 70% выступают за объединение. Многие корейцы считают себя россиянами, большинство не знают корейского языка, потеряли связь со своими родственниками, хотя интересуются событиями, происходящими как в Южной, так и в Северной Корее [14].

С момента установления общей границы между Россией и Кореей русско-корейские отношения осуществлялись на уровне народной дипломатии. К моменту установления в 1884 г. дипломатических отношений между Санкт-Петербургом и Сеулом сотрудничество между двумя странами базировалось на интенсивных приграничных связях. Эта основа была заложена корейскими переселенцами и иммигрантами.

Важной тенденцией развития трансграничных отношений является их институционализация. Речь идёт о создании системы региональных международных организаций, дополняющих политические структуры. Участники трансграничного сотрудничества могут выбирать себе партнёров, методы и формы взаимодействия без излишней бюрократизации, которая имеет место при централизации подобных отношений.

Региональные институты народной дипломатии являются во многом вспомогательными средствами. В них участвуют не специалисты-дипломаты, а представители населения приграничных областей. Их деятельность далека от высокой политики и хитросплетений дипломатических отношений. Однако сейчас в Азиатско-Тихоокеанском регионе приграничные и межрегиональные связи имеют большое значение. Они не формализованы и основываются совсем на других отношениях — личных, экономических, соответственно, меняется и поле взаимодействий, что составляет социальный капитал приграничного населения. В конце XX — начале XXI в. на Дальнем Востоке сформировались самые

разнообразные формы взаимодействия на всех трёх уровнях деления (микро-, мезо- и макроуровень) приграничных регионов. В большинстве случаев они представляют собой систему общественных организаций, нацеленных на развитие взаимоотношений в приграничном пространстве. Корейские общественные организации играют важную роль в этом процессе, так как корейская диаспора в Приморье является одной из самых активных групп населения и создаёт свои формы приграничного взаимодействия. Причём даже на макроуровне, поскольку представители корейской диаспоры участвуют в региональной политике, входят в законодательные и исполнительные органы власти Приморского края.

Приграничное взаимодействие в настоящее время значительно отличается от того, что было в начале XX в., прежде всего потому, что изменилась социальная структура корейской диаспоры в Приморье. В наши дни среди корейцев, проживающих в Приморском крае, 50% занимаются средним бизнесом, 40% — интеллигенция, 10% заняты в сельском хозяйстве.

Трансграничные связи на региональном уровне охватывают все сферы жизнедеятельности регионов: политическую, экономическую, культурную, экологическую. Это обусловлено прежде всего тем, что в данном взаимодействии участвуют различные политические силы и социальные группы.

В региональном сотрудничестве ключевую роль играют экономические связи. Легче всего наладить трансграничный торговый обмен между сопредельными или близлежащими внутренними частями различных стран. Подобные обмены обычно имеют взаимовыгодный и взаимодополняющий характер; в них, наряду с крупными корпорациями, может принять участие средний и малый бизнес. Углубление трансграничных экономических связей во многих случаях сопровождается созданием соответствующих транспортных сетей и других коммуникационных систем. Конечно, основной объём экономического сотрудничества приходится на долю Республики Корея, которая непосредственно не граничит с Российской Федерацией. И большинство представителей корейской диаспоры ориентируют свой бизнес в этом направлении. Однако с КНДР также существуют определённые связи, проявляющиеся прежде всего в потоке иностранных рабочих из этой страны.

Использование рабочей силы из КНДР постепенно росло, хотя и не такими высокими темпами, как китайской. По данным ФМС, в 2004 г. трудовую деятельность в России осуществляли свыше 14,7 тыс. граждан КНДР, в 2005 г. — более 20 тыс., а в 2006 г. — свыше 21,7 тыс. Более 16 тыс. из них работали на территории ДФО.

В 2009 г. были предприняты шаги по регулированию северо-корейской трудовой миграции в Россию: вступило в силу соглашение между правительствами РФ и КНДР, установившее правила пребывания трудовых мигрантов из КНДР в России.

Из-за нарушений земельного законодательства в Амурской области с 2013 г. был введён запрет на привлечение китайских мигрантов в сельское хозяйство. Потребности в трудовых ресурсах компенсировались за счёт граждан СНГ и КНДР.

К середине 2016 г. официально разрешение на работу в России имели 31,5 тыс. граждан КНДР. Немногим менее половины из них (около 14 тыс. чел.) трудились в Дальневосточном федеральном округе, главным образом в Амурской области, Приморском и Хабаровском краях. В основном они занимались строительством и сельским хозяйством, трудились в лесной и рыбной промышленности, а в выходные дни и по ночам подрабатывали ремонтом офисов и квартир местных жителей [3, с. 210].

Пограничные регионы России на Дальнем Востоке имеют сложную структуру и богатую событиями историю формирования. Их геополитическое положение характеризуется не только географической спецификой, но и этносоциальной. Если рассматривать только сухопутные границы, Приморский край граничит лишь с КНР и КНДР. Однако с учётом его прибрежного положения трансграничная зона включает и морскую акваторию. Кроме того, специфика Приморья как пограничного региона проявляется на всех трансграничных структурных уровнях (пограничная полоса, сельская местность, примыкающая к границе, крупные города Приморского края).

Корейская диаспора в этнической мозаике Дальнего Востока занимает особое положение, прежде всего из-за истории формирования. Идея об исторической родине — необходимый фактор, интегрирующий диаспору, — находила отражение во всех формах организации корейской диаспоры, начиная с первых общественных объединений. Даже находясь в значительном удалении от Дальнего Востока и утратив некоторые этнические особенности,

её представители тем не менее сохраняли символическую связь с Кореей. Важность исторической родины проявлялась и в использовании социального капитала диаспоры, хотя его структура из-за непростой истории корейских иммигрантов постоянно менялась. Соответственно менялись и формы трансграничных взаимоотношений диаспоры с родиной. Начиная с поддержки движения за независимость Кореи в начале XX в. и заканчивая участием в современных политических (движение за объединение Кореи) и экономических (торговля, инвестиции) процессах, корейские общественные организации старались актуализировать идею об исторической родине.

Существование диаспоральных трансграничных связей укрепляет региональную безопасность, обеспечивая внешнеполитические взаимодействия, которые способствуют информационному обмену двух частей трансграничного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов П.Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 19—25.
2. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России. М.; Волгоград: НОФМО, 2002. 572 с.
3. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
4. Герасименко Т.И., Лапаева М.Г. Формирование трансграничных регионов как пространственно-временной результат трансграничного взаимодействия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 2 (138). С. 298—302.
5. Голиков А.П. Система восьми знамён: хронологические параметры (опыт конструирования исторического времени) // Ойкумена. 2013. № 1. С. 113—121.
6. Ким М.Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918—1922). М.: Наука, 1979. 144 с.
7. Колосов В.А. Парадоксы глобализации и усиливающиеся барьерные функции границ в современном мире // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 9—15.
8. Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917—1923 гг.). Документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 320 с.
9. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122—139.

10. Курбатова М.В. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // *Общественные науки и современность*. 2010. № 6. С. 37—51.
11. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60—90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 304 с.
12. Россия и народы Дальнего Востока: исторический опыт межэтнического взаимодействия (XVII—XIX вв.). Владивосток: Наука, 2016. 364 с.
13. Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в г. Хабаровске. СПб.: Альфарет, 2011. 676 с.
14. Толстых И.Н. Социально-политические и социально-культурные условия жизни корейской диаспоры в Приморском крае на современном этапе её истории // *Ойкумена*. 2008. № 3. С. 39—43.
15. Троякова Т.Г. «Корейская деревня» в Приморье: один из проектов // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 37—43.
16. Хан В.С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М.: Изд-во МБА, 2014. 256 с.
17. Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. Network Analysis for International Relations // *International Organization*. 2009. No. 3. P. 559—592.
18. Fine B., Lapavistas C. Social Capital and Capitalist Economies // *South Eastern Europe Journal of Economics*. 2004. No. 1. P. 17—34.
19. Newman D. On Borders and Power: A Theoretical Framework // *Journal of Borderlands Studies*. 2003. Vol. 18. No. 1. P. 13—25.

REFERENCES

1. Baklanov P.Ya. Strukturnye osobennosti i potentsial razvitiya prigranichnykh i transgranichnykh rayonov: teoreticheskie aspekty [Structural Features and Development Potential of Border and Cross-border Areas: Theoretical Aspects]. *Regional'nye issledovaniya*, 2018, no. 3 (61), pp. 19—25. (In Russ.)
2. *Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poyase novykh granits Rossii* [Security and International Cooperation in the Belt of Russia's New Borders]. Moscow, Volgograd, NOFMO Publ., 2002, 572 p. (In Russ.)
3. Vashchuk A.S., Chernolutsкая E.N., Koroleva V.A., Dudchenko G.B., Gerasimova L.A. *Etnomigratsionnye protsessy v Primor'e v XX veke* [Ethnomigration Processes in Primorye in the 20th Century]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2002, 228 p. (In Russ.)
4. Gerasimenko T.I., Lapaeva M.G. Formirovanie transgranichnykh regionov kak prostranstvenno-vremennoy rezul'tat transgranichnogo vzaimodeystviya [Formation of Cross-border Regions as a Spatio-temporal Result of Cross-border Interaction]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 2 (138), pp. 298—302. (In Russ.)
5. Golikov A.P. Sistema vos'mi znamen: khronologicheskie parametry (opyt konstruirovaniya istoricheskogo vremeni) [The System of Eight Banners: Chronological Parameters (Experience in Constructing Historical Time)]. *Oykumena*, 2013, no. 1, pp. 113—121. (In Russ.)
6. Kim M.T. *Koreyskie internatsionalisty v bor'be za vlast' Sovetov na Dal'nem Vostoke (1918—1922)* [Korean Internationalists in the Struggle for Soviet Power in the Far East (1918—1922)]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 144 p. (In Russ.)

7. Kolosov V.A. Paradoksy globalizatsii i usilivayushchiesya bar'ernye funktsii granits v sovremennom mire [The Paradoxes of Globalization and the Increasing Barrier Functions of Borders in the Modern World]. *Regional'nye issledovaniya*, 2018, no. 3 (61), pp. 9—15. (In Russ.)
8. *Koreytsy na rossiyskom Dal'nem Vostoke (1917—1923 gg.)*. Dokumenty i materialy [Koreans in the Russian Far East (1917—1923). Documents and Materials]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 2004, 320 p. (In Russ.)
9. Koulman Dzh. Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [Social and Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2001, no. 3, pp. 122—139. (In Russ.)
10. Kurbatova M.V. Struktura sotsial'nogo kapitala kak faktor institutsional'nogo razvitiya regiona [The Structure of Social Capital as a Factor of Institutional Development of the Region]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2010, no. 6, pp. 37—51. (In Russ.)
11. Petrov A.I. *Koreyskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60—90-e gody XIX veka* [The Korean Diaspora in the Russian Far East. 60—90s of the 19th Century]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2000, 304 p. (In Russ.)
12. *Rossiya i narody Dal'nego Vostoka: istoricheskiy opyt mezhetnicheskogo vzaimodeystviya (XVII—XIX vv.)* [Russia and the Peoples of the Far East: Historical Experience of Interethnic Interaction (17th —19th Centuries)]. Vladivostok, Nauka Publ., 2016, 364 p. (In Russ.)
13. Smirnov E.T. *Priamurskiy kray na Amursko-Primorskoy vystavke 1899 g. v g. Khabarovske* [The Amur Region at the Amur-Primorsky Exhibition of 1899 in Khabarovsk]. Saint Petersburg, Al'faret Publ., 2011, 676 p. (In Russ.)
14. Tolstykh I.N. Sotsial'no-politicheskie i sotsial'no-kul'turnye usloviya zhizni koreyskoy diasporы v Primorskom krae na sovremennom etape ee istorii [Socio-political and Socio-cultural Living Conditions of the Korean Diaspora in Primorsky Krai at the Present Stage of Its History]. *Oykumena*, 2008, no. 3, pp. 39—43. (In Russ.)
15. Troyakova T.G. «Koreyskaya derevnya» v Primor'e: odin iz proektov [“Korean Village” in Primorye: One of the Projects]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 4, pp. 37—43. (In Russ.)
16. Khan V.S., Sim Khon Eng. *Koreytsy Tsentral'noy Azii: proshloe i nastoyashchee* [Koreans of Central Asia: Past and Present]. Moscow, Izd-vo MBA Publ., 2014, 256 p. (In Russ.)
17. Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. Network Analysis for International Relations. *International Organization*, 2009, no. 3, pp. 559—592. (In Eng.)
18. Fine B., Lapavistas C. Social Capital and Capitalist Economies. *South Eastern Europe Journal of Economics*, 2004, no. 1, pp. 17—34. (In Eng.)
19. Newman D. On Borders and Power: A Theoretical Framework. *Journal of Borderlands Studies*, 2003, vol. 18, no. 1, pp. 13—25. (In Eng.)